

Дж. Р. Р. Толкин
Осанвэ-кэнта

Под редакцией Карла Ф. Хостеттера
Введение, глоссарий и дополнительные примечания – Карл Ф. Хостеттер
Tolkien's text copyright ©1998 The Tolkien Trust

Эссе, озаглавленное «Осанвэ-кэнта», «Исследование мыслепередачи», дошло до нас в виде восьмистраничного текста, отпечатанного на машинке. Номера страниц, с первого по восьмой, проставил сам Толкин. Эссе представлено и описано (в самом тексте) как «краткое изложение» (см. ниже) или созданный неизвестным редактором [1] «сокращенный вариант» («Кольцо Моргота», с. 415) другого трактата под тем же названием, помещенного эльфийским учителем мудрости Пэнголодом «в конце 'Ламмас', или же 'Описания языков'» (там же) [2]. Хотя данный текст является самостоятельным произведением, он, тем не менее, тесно связан с более длинным эссе, которое Толкин озаглавил «Квэнди и эльдар» (основной объем которого был опубликован в томе «Война Самоцветов»); нет сомнения, что оба эти текста написаны примерно одновременно, - и оба они были обнаружены в бумагах Толкина вместе. Примечание на одной из титульных страниц «Квэнди и эльдар» указывает, что Толкин мыслил «Осанвэ-кэнту» как приложение к более длинному эссе: «Сюда добавлен сокращенный вариант 'Осанвэ-кэнты', или же 'Передачи мысли'» (там же). Далее, Кристофер Толкин указывает, что его отец использовал заглавие «Квэнди и эльдар» не только для более длинного эссе, но также для «Осанвэ-кэнты» и еще одного небольшого очерка о происхождении орков (позднее опубликованного в «Кольце Моргота», см. стр. 415 и далее). Все три текста дошли до нас в машинописном виде и «внешне практически идентичны» («Кольцо Моргота», с. 415).

Родство «Осанвэ-кэнты» и «Квэнди и эльдар» наблюдается также в терминологии и выборе темы. К примеру, использование в «Осанвэ-кэнте» некоторых лингвистических терминов, которым дается определение и достаточно подробное описание в «Квэнди и эльдар» (к примеру, «тэнгвэста», «ламбэ»), предполагает знакомство читателя с этими терминами и их характерными особенностями. Кроме того, «Осанвэ-кэнта» развивает некоторые мысли из «Заметки о 'языке Валар'», которой заканчивается эссе «Квэнди и эльдар»: к примеру, что «создание языка есть особый талант Воплощенных, которые своим существованием обязаны союзу *хрóa* и *фэа*» («Война Самоцветов», с. 405); и, что еще более поразительно, что «Валар и Майяр могли напрямую воспринимать и передавать мысль (при согласии обеих сторон) сообразно своей подлинной натуре», хотя «использование ими телесного облика... делало это способ общения менее быстрым и точным» (с. 406). В «Осанвэ-кэнте» также более подробно рассказано о «скорости, с которой... *тэнгвэста* может быть выучена существом более высокого порядка» с помощью прямой «передачи и восприятия мысли» вкупе с «сердечной теплотой» и «желанием понять других», как то проиллюстрировано быстротой, с которой Финрод выучил язык народа Бэора (там же) [3].

Согласно Кристоферу Толкину, один из экземпляров «Квэнди и эльдар» «была завернут в газету за март 1960 года», и, согласно заметкам Дж.Р.Р.Толкина на этом экземпляре и на обложке другого экземпляра, «Осанвэ-кэнта» относится к Приложениям к «Квэнди и эльдар» («Кольцо Моргота», с. 415). К.Толкин приходит к выводу, что этот набор материалов, включающих «Осанвэ-кэнту», «уже, таким образом, существовал, когда газета была использована для этой цели, и хотя, как в других подобных случаях, это не позволяет с полной определенностью сузить временные рамки, вряд ли есть причина сомневаться, что материалы относятся к 1959-1960 годам» (там же).

Воспроизведенные здесь восемь машинописных страниц являются, насколько можно судить, единственным существующим текстом «Осанвэ-кэнты»; если этому машинописному тексту предшествовали другие рукописные или машинописные тексты, они до нас не дошли. Наверху первой страницы Толкин написал чернилами в три строки название. Он вручную проставил номера в правом верхнем углу первых семи страниц, а также приписал, тоже чернилами, слово «Осанвэ» слева от каждого номера страницы; однако на восьмой странице номер и слово уже напечатаны, на том же самом месте. Это заставляет предположить, что автор,

возможно, сделал перерыв в работе или первоначально завершил эссе где-то на седьмой странице и написал короткое заглавие и номера страниц на тех страницах, которые напечатал к этому моменту, прежде чем начать восьмую страницу. Если так, то, быть может, он остановился на том месте на седьмой странице, за которым идет большой пропуск, а потом абзац, начинающийся со слов «Если же напоследок заговорим мы о «недомыслии» Манвэ...». Также местами Толкин внес в машинописный текст правку чернилами: в основном он поправлял ошибки, хотя иногда перефразировал сказанное. За исключением нескольких случаев внесенная автором правка не комментируется.

Для целей данного издания текст Толкина был слегка изменен в части представления примечаний. На первой странице машинописного текста (и только там) Толкин использовал пронумерованные подстрочные примечания, но как и в «Квэнди и эльдар», в остальной части «Осанвэ-кэнтэ» он местами прерывает текст своими примечаниями, обычно напечатанными на следующей строке или несколькими строками ниже, пусть даже в результате предложение основного текста оказывается разорванным (ср. «Войну Самоцветов», с. 359). Для большинства таких примечаний был использован подход Кристофера Толкина, примененный им при издании «Квэнди и эльдар»: примечания автора вынесены в конец текста, а чтобы отличить их от редакционных примечаний, используются слова (Примечание 1), (Примечание 2) и т.д. Однако семь очень коротких примечаний, в которых приводится только квэнийская форма описываемого термина (а именно «санвэ-латья», «сама», «лата», «индо», «пахта», «аванир» и «аквапахтиэ») были помещены в сам текст в круглых скобках.

Краткий глоссарий эльфийских слов, встречающихся в «Осанвэ-кэнте», составленный редактором, следует за примечаниями Толкина: там также приводится дополнительная информация об этих словах из других источников (в особенности из «Квэнди и эльдар», различных текстов, входящих в «Кольцо Моргота», и «Этимологий»).

Я выражаю благодарность Кристоферу Толкину, который предоставил данный текст для публикации в «Виньяр Тэнгвар», а также Кристоферу Джилсону, Вэйну Хэммонду, Кристине Скалл, Арден Смит и Патрику Винну за их помощь при подготовке данного издания.

Осанвэ-кэнта [4]

Исследование мыслепередачи

(краткое изложение рассуждений Пэнголода)

В конце «Ламмас» Пэнголод кратко высказывается о прямой мыслепередаче (*санвэ-латья*, «мыслеоткрытие»), приводя несколько суждений о ней: эти утверждения, несомненно, вытекают из теорий и наблюдений эльдар, которые эльфийские учителя мудрости подробно изложили в других трактатах. Речь в основном идет об эльдар и Валар (а также и меньших Майар того же порядка). О людях говорится постольку, поскольку к ним относится все, сказанное о Воплощенных (*Мирроанви*). Отдельно Пэнголод говорит о них следующее: «Люди наделены той же способностью, что и квэнди, но она сама по себе слабее и действует слабее из-за силы *хроа*, над которым воля большинства людей имеет мало власти».

Пэнголод касается этой темы в основном в связи с *тэнгвэста*. Но он также рассматривает отношение Мэлькора и его приверженцев к Валар и Эрухини [5] как историк, хотя эта тема тоже связана с «языком» в силу того, что Мэлькор, как указывает Пэнголод, обратил язык, величайший из талантов *Мирроанви*, к своей вящей выгоде.

Пэнголод говорит, что все *разумы* (*сама*, мн.ч. *самар*) равны по положению, разнясь в способностях и силе. Природа разума такова, что один разум может непосредственно воспринять другой. Но за исключением самого факта существования второго (как чего-то отличного от себя, хотя и того же рода) первый ничего не может ощутить, кроме как по *воле* обеих сторон (*Примечание 1*). Однако усилие *воли* не обязательно должно быть одинаковым у обеих сторон. Если один разум мы назовем Г. (гость, или пришелец), а другой – Х. (хозяин, или принимающий), то Г. должен быть безусловно намерен прочесть Х. или сообщить ему нечто. Но Г. может извлечь или передать сведения, даже если Х. не стремится и не намеревается [6] эти сведения передавать и получать: действие Г. будет успешным, если Х. просто «открыт» (*лата*; *латиэ* – «открытость»). Пэнголод подчеркивает на чрезвычайную важность этого разграничения.

«Открытость» есть естественное, или обычное состояние (*индо*) разума, который ничем не занят (*Примечание 2*). В «Арде Неисказенной» (то есть, в идеальных условиях свободы от зла) [7] открытость была бы нормальным состоянием. Тем не менее, любой разум может *закраться*

(*пахта*). Для этого требуется осознанное волевое действие - *Нежелание (аванир)*. Можно закрыться от Г., от Г. и кого-то еще или полностью уединиться, затворившись в себе (*аквапахтиэ*).

Хотя открытость - это нормальное для «Арды Неисказенной» состояние, с момента сотворения личности каждый разум обладает правом закрыться и наделен полной возможностью совершить это силой воли. *Ничто не может преодолеть преграду Нежелания (Примечание 3)*.

Все это, говорит Пэнголод, справедливо для всякого разума, начиная Айнур в присутствии Эру или великих Валар, таких, как Манвэ и Мэлькор, включая Майар в Эа и заканчивая последним из *Мирроанви*. Но некоторые состояния связаны с *ограничениями*, над которыми воля властна не до конца.

Валар вошли в Эа и Время по своей свободной воле и ныне пребывают во Времени, куда оно длится. Ничего, находящегося вне Времени, они воспринять не могут, кроме как воскресив в памяти свое существование прежде начала Времени: они могут вспомнить Песнь и Видение. Они, конечно, открыты Эру, но по своей воли не могут «увидеть» какую бы то ни было часть Его разума. Они могут открыться Эру, вызывая к нему, и тогда Он может явить им Свою мысль (*Примечание 4*).

Благодаря природе разума – *сама* – все Воплощенные наделены одними и теми же способностями; но *хроа* затуманивает восприятие, ибо *фэа* Воплощенных соединено с *хроа*, и *фэа* обычно действует через *хроа*, которое само по себе часть Эа, без размышления. Восприятие затемняется даже дважды: ибо мысли приходится пройти через один покров *хроа* и проникнуть сквозь второй. По этой причине передача мысли у Воплощенных нуждается в *усилении*, чтобы быть действенной. Усиление же достигается благодаря *близости*, *настоятельности* или *праву*.

Близость может быть следствием родства, ибо связанные им *хроа* подобны друг другу, как и образ мыслей и заботы живущих в этих телах *фэар*; родству же обычно сопутствуют любовь и приязнь. Близость также может происходить и просто от любви или дружбы, каковые суть подобие или же влечение *фэа* к *фэа*.

Настоятельность обязана чрезвычайной потребности «посылающего» (как то бывает в радости, горе или страхе); и если эти чувства хоть сколько-нибудь разделяет «получающий», то мысль передается яснее. *Право* также усиливает мысль того, у кого есть обязательство по отношению к кому-либо, или мысль правителя, обладающего законной властью отдавать приказы или знать правду ради блага остальных.

Все это может усилить мысль, помогая ей пройти сквозь покровы и достичь разума воспринимającego. Но этот разум должен пребывать открытым или, по крайней мере, бездеятельным. Если же разум, осведомленный о том, что к нему обращаются, закроется, никакие *настоятельность* ниже *близость* не помогут мысли *посылающего* достичь цели.

Наконец, помехой становится и *тэнгвэста* [8]: ведь у Воплощенных *тэнгвэста* обеспечивает большую ясность и точность понимания, нежели непосредственное восприятие мысли. С помощью *тэнгвэста* Воплощенные могут общаться друг с другом, не прикладывая дополнительных усилий мысли, как бывает, к примеру, при первой встрече. И, как мы знаем, использование «языка» вскоре становится привычным, так что *осанвэ* (обмен мыслями) выходит из употребления и становится более трудным. Таким образом, мы видим, что Воплощенные склонны прибегать или стремиться прибегнуть к *осанвэ* только в случае великой нужды или срочности и особенно тогда, когда невозможно воспользоваться *ламбэ*. Как тогда, когда голос невозможно услышать, чему чаще всего бывает причиной расстояние. Ибо расстояние само по себе не является преградой для *осанвэ*. Но те, кто вследствие взаимной приязни вполне могли бы прибегнуть к *осанвэ*, воспользуются, оказавшись рядом, *ламбэ* – по предпочтению или привычке. Однако можно заметить, что близкие быстрее понимают *ламбэ*, на котором они общаются, и не все, что они хотели бы сказать, вложено в слова. Немногих слов им бывает достаточно для того, чтобы быстро достичь понимания. Несомненно, дело здесь зачастую не обходится без *осанвэ*, ибо желание общаться при помощи *ламбэ* – это желание передать мысль, которое открывает разум. Может быть, конечно, и так, что оба собеседника обсуждают уже известное им, зная мнение друг друга, и именно по этой причине они делают невнятные для постороннего замечания; но так бывает не всегда. В деле, о котором прежде не шла речь, близкие люди достигнут понимания быстрее, нежели незнакомые друг с другом; так же близкие лучше воспримут смысл слов, которые, сколь угодно многочисленные, хорошо подобранные и точные, просто не передадут всего.

Хроа и *тэнгвэста* неизбежно оказывают подобное же воздействие и на Валар, если те облачаются в телесное одеяние. *Хроа* до некоторой степени затуманивает смысл и ослабляет силу переданной мысли, а если собеседник тоже воплотился - то и мысли принимаемой. Если же они приобрели привычку пользоваться *тэнгвэста* - как бывает с тем, кто приобрел привычку пребывать в теле, - это тоже ограничит применение *осанвэ*. Но все это оказывает на Валар куда меньшее влияние, чем на Воплощенных.

Ибо *хроа* любого из Валар, пусть даже пребывание в ней вошло в обычай, в гораздо большей степени послушна их воле. Мысль Валар много сильнее и проникает глубже. Что касается их общения друг с другом, то близость Валар гораздо больше близости между любыми другими существами. Употребление *тэнгвэста* или *ламбэ* не превращается в необходимость, и лишь у некоторых становится привычкой и предпочтением. Что до отношений Валар с другими разумами в Эа, их мысль чаще всего обладает высочайшим правом и чрезвычайной настоятельностью (*Примечание 5*).

Далее Пэнголод переходит к злоупотреблению *санвэ*. «Ибо, - речет он, - иные, что успели дочитать до этого места, возможно, уже оспаривают сказанное мной, говоря: ‘Сие, как представляется, не в согласии с преданиями. Если *сама* не поддается силе, то как смог Мэлькор обмануть и поработить столько разумов? Разве не похоже на правду, что если *сама* защищен силой, то его может поработить сила БОльшая? Почему Мэлькор, величайший, до последнего обладавший самой непреклонной, твердой и безжалостной волей, мог проникать в умы Валар, но сам удерживал их от того же, так что даже Манвэ, общаясь с ним, может временами показаться нам слабым, неосторожным и поддавшимся обману. Разве нет?’»

‘Я отвечаю, что это не так. Некие вещи могут казаться схожими, но если они по сути своей разнятся, то их необходимо отличать друг от друга. *Прозрение*, сиречь предвидение [9], и *предсказывание* [10], сиречь мнение, основанное на суждениях относительно очевидного и наличного, могут превосходить одно и то же, но суть их совершенно различна, и учителя мудрости должны отличать одно от другого, пусть даже обыденный язык и эльфоязыки, и людей дает им одно и то же наименование в качестве подразделов мудрости (*Примечание 6*).

Схожим образом может казаться, будто секреты разума возможно вынудить силой, невзирая на нежелание, ибо полученное подобным образом знание временами выглядит настолько полным, насколько это вообще достижимо. Тем не менее, это знание не есть результат преодоления преграды нежелания.

И вправду, отсутствует *аксан*, что нельзя силой преодолевать эту преграду, ибо это *унат*, нечто такое, что нельзя совершить и чего не может быть: чем больше силы приложено, тем сильнее сопротивление нежелания [11]. Но всеобщий *аксан* есть то, что никто не должен открыто, посредством силы, или скрытно, посредством обмана, забирать у другого то, чем тот по праву владеет и что по праву хранит.

Мэлькор не признавал никаких *аксани*. Он упразднил бы (для себя) и все *унати*, если бы мог. Поистине, поначалу и в дни его величайшей мощи самые губительные из всех его неистовств происходили из-за стремления устроить Эа так, чтобы не было никаких пределов и препятствий его воле. Но того он не добился. *Унати* остались – как постоянное напоминание о существовании Эру и Его непобедимости, о том, что помимо Мэлькора существуют иные создания (равные ему по происхождению, если не по могуществу), которых невозможно одолеть силой. Вот исток его неутраченной и неуправляемой ярости.

Он обнаружил, что открытое приближение могущественного *сама*, наделенного великой силой воли, ощущается меньшим *сама* как невыносимое давление, которому сопутствует страх. Подавлять силой могущества и страха было для Мэлькора удовольствием; но в этом случае они были для него бесполезны: страх только крепче запирает дверь. Тогда он стал действовать хитростью и обманом.

Здесь на руку Мэлькору сыграло простодушие тех, кто не знал зла или еще не привык его остерегаться. Посему выше сказано, что различие открытости и деятельной воспринимающей воли чрезвычайно важно. Ибо Мэлькор мог украдкой явиться в разум открытый и ни о чем не подозревающий, надеясь разузнать часть его мыслей, прежде чем тот закроется, и более того - внедрить в этот разум свои собственные мысли, обмануть его и приобрести его дружбу. Мысль его всегда оставалась одной и той же, хотя она и менялась, чтобы лучше подходить к данному случаю (насколько он понимал): Мэлькор желает одного только блага; он богат и может даровать своим друзьям все, чего они пожелают; он особенно любит того, к кому обращается; но ему необходимо доверять.

Таким путем Мэлькор нашел дорогу во многие умы, устранив их нежелание и открыв дверь единственным ключом, пусть даже его ключ был подделкой. Но сильнее всего жаждал он не этого, но покорения непокорных, порабощения врагов. Те, кто внимал ему и не закрывал дверь, уже сами зачастую склонялись к нему; иные (соответственно своим силам) уже шли путями, схожими с его собственными, и внимали ему в надежде узнать и получить то, что помогло бы им добиться собственных целей (так было с теми Майар, кто первыми, раньше всех, попали под его власть. Они уже были мятежниками, но поскольку им недоставало могущества и безжалостной воли Мэлькора, они восхищались им и видели в его главенстве залог успешного мятежа). Однако простодушные и неиспорченные «сердцем» (*Примечание 7*) сразу же узнавали о приходе Мэлькора, и если они внимали предупреждению своих сердец, то отказывались слушать, изгоняли его и закрывали дверь. Мэлькор более всего жаждал одержать верх именно над ними, его врагами, ибо его врагами были все, кто хоть в чем-то шел против него или считал что-то своим, а не принадлежащим Мэлькору [12].

Посему он искал средства обмануть *унат* и нежелание. И он сделал своим орудием «язык». Ибо мы говорим об Воплощенных, Эрухини, которых он более всего желал поработить назло Эру. Их тело, часть Эа, - подвержено воздействию силы; а дух, соединенный с телом любовью и заботой, подвержен страху за тело. Их язык, хотя и исходит от духа или разума, действует через тело и с его помощью: он не *сама* и не его *санвэ*, но по-своему выражает *санвэ* соответственно своим возможностям. Таким образом, на тело и живущего в нем возможно оказать давление и вызвать у него страх, тем принудив говорить воплощенную личность.

Так мыслил Мэлькор в темном своем предумышлении задолго до нашего пробуждения. Ибо в былые дни, когда Валар наставляли эльдар, недавно пришедших в Аман, относительно начала всего и враждебности Мэлько, вот что сам Манвэ молвил тем, кто пожелал слушать: «О Детях Эру Мэлькор знал меньше, нежели равные ему, пренебрегая тем, что он мог, подобно нам, узнать из Видения об их Приходе. Однако с тех пор, как узнали мы вас такими, какие вы есть, мы подозреваем, что его разум живо стремился ко всему, что пошло бы на пользу его властолюбивым замыслам, и его успех превзошел наш, ибо ни единый *аксан* не связывает его воли. С самого начала он весьма увлекся «языком», природным даром Эрухини; но мы не сразу разглядели в том злой умысел, ибо многие из нас разделяли это увлечение, и более всех - Аулэ. Но впоследствии мы открыли, что он придумал язык для тех, кто служит ему; и наш язык он выучил с легкостью. Искусность его в этом весьма велика. Он, без сомнения, овладеет всеми языками, даже дивной речью эльдар. Посему будьте осторожны, если станете говорить с ним!»

«Увы! - продолжает Пэнголод. - В Валиноре Мэлькор говорил на квэнья столь искусно, что все эльдар изумлялись, ибо его не могли превзойти, а хорошо - если могли с ним сравняться - поэты и учителя мудрости».

Так, обманом, ложью, терзая дух и тело, грозя замучить любимых или устрашая единственно ужасом собственного присутствия, Мэлькор всегда стремился принудить Воплощенных, что оказались в его власти или подле него, говорить и поведать ему все, что он желал знать. Но его собственная Ложь породила бесчисленное потомство.

Ее посредством он многих уничтожил, стал причиной неисчислимых предательств и вызнал множество тайн к своей величайшей выгоде и гибели своих врагов. Но добивался он этого не входя в разум и не читая его как есть, помимо его воли. Ибо, хотя немало узнал он таким способом, за словами, пусть даже исторгнутыми страхом или мукой, все равно стоит недостижимый *сама*: слова не в нем, хотя и исходят из него - как крики из-за запертой двери. И слова необходимо взвесить и обдумать, чтобы решить, насколько они правдивы. Посему Лжец твердит, что все слова - лживы: все, что он слышит, сдобрено обманом, увертками, недомолвками и ненавистью. И в эту необъятную паутину он сам вплел неистовство и противостояние, терзаем подозрением, сомнением и страхом. Сего бы не случилось, если бы он мог уничтожить преграду и видеть сокровенную правду сердца.

Если же напоследок заговорим мы о «недомыслии» Манвэ, о слабости и опрометчивости Валар, то станем судить с осторожностью. Поистине, станем мы, быть может, изумляться и печалиться, читая, как Мэлькор обманывал и морочил (как видится) остальных и что даже Манвэ временами кажется по сравнению с ним чуть ли не простаком: словно он добрый, но неразумный отец, который растит своенравного ребенка, будучи уверен, что тот со временем непременно исправится. Тогда как мы, наблюдая со стороны и зная о последствиях, ныне видим, что Мэлькор прекрасно знал, каким именно безвозвратным путем увлекали его гордыня и ненависть. Он мог читать разум Манвэ, ибо дверь была открыта; но его собственный разум лгал: пусть даже дверь казалась открытой, за ней стояли железные врата, запертые навечно.

Как бы могло случиться иначе? Следовало ли Манвэ и Валар ответить на скрытность - увертками, на предательство - вероломством и ложью - на ложь? Если Мэлькор посягнул на их права, то стоило ли им посягать на его право? Можно ли победить ненависть ненавистью? Нет, Манвэ оказался мудрее; или же, будучи всегда открыт Эру, он всегда выполнял Его волю, а это больше, чем мудрость. Он всегда оставался открытым, ибо ему нечего было скрывать: ни единой мысли, что повредила бы хоть кому-то, если бы ее узнали и смогли понять. Поистине, Мэлькор всегда знал его волю, не спрашивая о том; и он знал, что Манвэ был связан приказаниями и предписаниями Эру и что, делая одно и воздерживаясь от другого, Манвэ всегда поступал согласно им, даже зная, что Мэлькор преступит их, если ему понадобится. Так безжалостный всегда надеется на милость, а лжец прибегает к правде; ибо если в милости и правде отказано жестокому и лживому, их не за что чтить [13].

Манвэ не мог принуждением заставить Мэлькора открыть свои мысли и цели или (если бы тот прибег к словам) говорить правду. Если Мэлькор говорил «это правда», то ему должно верить, пока не обнаружится его ложь; если он говорил «я сделаю это по твоему слову», то должно предоставить ему возможность сдержать обещание (*Примечание 8*).

Все Валар, объединив усилия, применили к Мэлькору силу и заточили его не для того, чтобы исторгнуть признание вины (что бесполезно) или принудить его открыть свои мысли (что было бы против закона, не будь это просто невозможно). Он стал узником в наказание за свои злодеяния, под ответственность Короля. Но можно сказать и лучше: его на установленное обещанием время лишили возможности действовать, чтобы он мог остановиться и задуматься о себе и таким образом обрести ту единственную возможность, которую милосердие может измыслить для раскаяния и исправления. Не только ради исцеления Арды, но и для его исцеления тоже. Мэлькор имел право существовать и право действовать и употреблять свои силы. Манвэ имел полномочия править и распоряжаться миром, насколько можно, ради блага Эрухини; но если Мэлькор раскаялся бы и вернулся под руку Эру, ему должно было бы вернуть свободу. Его нельзя поработить или лишить его доли. Обязанность Верховного Короля сохранить всех своих подданных в верности Эру или возратить их под его руку, дабы они были свободны в своей верности.

Потому лишь под конец и не без прямого слова Эру и не без Его мощи был Мэлькор окончательно ниспровергнут и навеки лишен власти творить или уничтожать.

Кто среди эльдар полагает, что заточение Мэлькора в Мандос (достигнутое применением силы) не было мудрым или законным? Однако решение напасть на Мэлькора, а не просто противостоять ему, решение ответить на насилие гневом, подвергая опасности Арду, было принято Манвэ с неохотой. И помысли: чего хорошего достигло даже законное применение силы? Мэлькор на время был удален из Средиземья, освободившегося от гнета его злобы, но его зло не было искоренено, да это и невозможно было сделать. Кроме как в том случае, если бы Мэлькор раскаялся (*Примечание 9*). Но он не раскаялся и, униженный, ожесточился еще сильнее: обман его сделался еще утонченней, ложь - коварней, месть - безжалостней и подлее. Как мнится многим, самым слабым и опрометчивым деянием Манвэ стало освобождение Мэлькора из заточения. От того случились величайшие утраты и зло: гибель Древ, изгнание и муки нолдор. Но также чрез те страдания произошло и то, чего, может статься, нельзя было достичь иными путями, - победа Древних Дней: падение Ангбанда и последнее ниспровержение Мэлькора.

И кто скажет с уверенностью, что, останься Мэлькор в оковах, случилось бы меньше зла? Даже умаленная, мощь Мэлькора за пределами наших представлений. Но губительная вспышка его отчаяния - не самое худшее из того, что могло бы произойти. Он был освобожден согласно обещанию Манвэ. Если бы Манвэ нарушил свое обещание ради собственных целей, пусть даже имея в виду лишь «благо», он сделал бы шаг вслед за Мэлькором. Это опасный шаг. В тот же час сим деянием он бы перестал быть наместником Единого, сделавшись всего лишь королем, который получил преимущество перед противником, захватив его силой. Случились ли бы тогда те несчастья, что произошли на самом деле? Или же Старший Король утратил бы честь, а мы, может быть, оказались бы в мире, раздираемом двумя владыками, борющимися за трон? В одном можем мы, дети, наделенной малой силой, быть уверены: любой из Валар мог бы пойти путем Мэлькора и уподобиться ему; но довольно и одного.

Примечания автора к «Осанвэ-кэнте»

Примечание 1

Здесь *нира* («воля» как возможность или способность), поскольку минимальное требование то, чтобы эта способность не использовалась для отказа; действие или акт воли - *нирмэ*, как *санвэ* (мышление или мысль) - действие или акт разума, *сама*.

Примечание 2

Он может, занятый размышлением, оказаться невнимательным; он может быть «обращен к Эру»; он может быть вовлечен в «мысленный разговор» с кем-то еще. Пэнголод говорит: «Лишь великие разумы способны беседовать более чем с одним собеседником одновременно; несколько умов могут совещаться, но выступать они могут лишь по очереди, откуда остальные слушают».

Примечание 3

«Ни один разум, однако, не может закрыться от Эру: ни от его взгляда, ни от его послания. Последнее разум может не принять во внимание, но не может сказать, что не знал о нем».

Примечание 4

Пэнголод добавляет: «Иные говорят, что Манвэ, по особой милости Королю, все же может отчасти воспринимать Эру; другие (что более вероятно) говорят, что он ближе всех к Эру и Эру всегда выслушает его и ответит ему».

Примечание 5

Здесь Пэнголод прибавляет длинное примечание о том, как Валар используют *хроа*. Если коротко, то Пэнголод говорит, что хотя исходно *хроа* пользовались как «облачением», оно может достигать степени «воплощения», в особенности когда речь идет о меньших, о Майар. «Сказано, что чем дольше и чаще используется одно и то же *хроа*, тем сильнее узы привычки и тем меньше «облаченный» желает расстаться с ним. Точно так же как одеяние может перестать быть нарядом и становится (как о том говорится на языках эльфов и людей) «затрапезой», ежедневной одеждой. Или как в случае эльфов и людей, которые носят одежду, чтобы уменьшить действие холода или жары, и из-за этого укрытое одеждой тело делается само по себе более чувствительным к холоду или жару». Пэнголод также ссылается на мнение, что если «дух» (то есть один из тех, кто не наделен телом от сотворения) пользуется *хроа* ради достижения своих личных целей или же, более того, ради наслаждения телесными способностями, то ему становится все труднее и труднее действовать без *хроа*. Сильнее всего связывает то, что в Воплощенных имеет отношение к собственной жизни *хроа* - к размножению и питанию. Так, связывают еда и питье, но не восхищение красотой звуков и форм. Сильнее всего связывает зачатие либо порождение.

«Мы не знаем, какие *аксани* (законы либо правила, исходящие непосредственно от Эру) были в этой связи наложены на Валар сообразно их положению, но кажется очевидным, что не было никакого *аксан* против подобного. Тем не менее, существует *аксан* или, быть может, неизбежное следствие, что, если таковое происходит, то дух должен остаться в теле, которое «надел», разделяя все нужды Воплощенных. Единственный случай, о котором ведомо из истории эльдар, - это Мэлиан, что стала супругой короля Элу-тингола. Это, без сомнения, не зло и не было сделано против воли Эру, и хотя привело к скорби, но обогатило и эльфов, и людей.

Великие Валар сего не совершают: они не порождают, не едят и не пьют ничего кроме как во время высоких *асари*, в знак их владычества и пребывания в Арде и ради благословения пищи Детей. Из всех Великих Мэлькор единственный был под конец связан телесным обликом; но это произошло оттого, что он пользовался телом ради своей цели - стать Владыкой Воплощенных, и из-за того великого зла, которое Мэлькор творил в видимом обличье. Он также расточил свои врожденные силы, управляя слугами и пособниками, и потому сделался под конец сам по себе, лишенный их поддержки, маломощным созданием, пожираемым ненавистью и неспособным вырваться из того состояния, в которое впал. Даже своим видимым обликом не мог он более управлять, и мерзость его не могла более пребывать сокрытой, но являла зло его разума. Тоже самое происходило и с величайшими из его слуг, как видим мы в позднейшие - нынешние - дни: они связаны обличьем собственных злодеяний, и если тела их были отняты у них либо разрушены, то они пребывали в ничтожестве, пока не строили себе подобие прежнего обиталища, чтобы с его помощью следовать недобрыми путями, в коих закоснели» (здесь Пэнголод очевидным образом имеет в виду Саурона; Пэнголод покинул Средиземья после того, как Саурон возвысился. Но первое разрушение телесного обличья Саурона упомянуто в преданиях Древних Дней, в «Лэ о Лэйтиан»).

Примечание 6

Здесь Пэнголод развивает (хотя это и не обязательно для его доказательств) тему «прозрения». Никакой разум, утверждает Пэнголод, не знает того, что не в нем. Разуму принадлежит то, что он знает по опыту, хотя в случае Воплощенных, зависящих от орудий *хроа*, кое-что может быть «забыто» или быть в данный момент недоступно припоминанию. Но в нем нет ничего о «будущем», ибо разум не видел его и не может увидеть - то есть, разум, существующий во времени. Такой разум может узнать о будущем только от другого разума, который видел будущее. Это значит - в конечном счете только от Эру или через посредство такого разума, который видел в Эру некую часть Его замысла (это те Айнур, что ныне Валар в Эа). Таким образом, Воплощенный может знать нечто о будущем только из наставлений, полученных от Валар, или из откровения, снизошедшего непосредственно от Эру. Но любой разум - Валар или Воплощенных - может выводить из причин то, что произойдет или может произойти. Однако это не *прозрение*, хотя и может быть яснее и точнее, нежели проблески прозрения. Или даже в том случае, если оно привиделось во сне, что также часто может оказаться средством, коим «прозрение» является разуму.

Умы, что обладают огромными знаниями о прошлом, настоящем и природе Эа, могут предсказывать с огромной точностью, и чем ближе будущее, тем точнее предсказание (однако всегда следует помнить о свободе Эру). Посему многое из того, что небрежная речь именуется «прозрением», - не более чем догадка мудрого. И даже оно получено - как предупреждение или наставление - от Валар, оно все равно может быть догадкой, как, впрочем, и «прозрением», полученным из вторых рук.

Примечание 7

энда. Это слово мы переводим как «сердце», хотя оно не означает никакого органа *хроа*. Оно означает «середина» и относится (хотя и через посредство неизбежного телесного иносказания) к самим *фэа* или *сама* вне их связи с *хроа*; представляя их как обладающими самосознанием; от сотворения наделенными врожденной мудростью, которая делает их чувствительными ко всему, хоть сколько-нибудь злоторному.

Примечание 8

По сей причине Мэлькор часто говорил правду и, поистине, он редко лгал, не примешивая к лжи правду. Если только это не была его ложь против Эру; и, быть может, именно это лишило его возможности повернуть назад.

Примечание 9

Некоторые считают, что хотя тогда зло можно было бы умерить, его невозможно было бы уничтожить даже в случае раскаяния Мэлько, ибо исходившая от него сила не подчинялась более его воле. Само естество Арды подверглось искажению. Семена, что сеет рука, возрастут и умножатся, хотя рука и убрана.

Редакторский глоссарий к «Осанвэ-кэнте»

Все слова – квэнийские, если не указано обратное.

aquapahtie «уединение». Очевидно, состоит из *aqua-* «полностью, целиком, совершенно» («Война Самоцветов», стр. 392) + **paht-ie* «закрыт-ость» (ср. *pahta* «закрытый» и *látie* «открытие» ниже).

asar, мн. число *asari* «установленное время, праздник» («Война Самоцветов», стр. 399).

avanir «нежелание». Очевидно, составлено из *ava-*, выражающего отказ или запрет (ср. «Война Самоцветов» стр. 370-371, под *АВА), + *-nir* «воля» (ср. *nira* ниже).

axan, мн. число *axani* «закон, правило, заповедь, напрямую исходящие от Эру». Заимствовано из валарина, от *akasān* «Он говорит», применительно к Эру («Война Самоцветов», стр. 399).

enda «середина, сердце»; о разумных существах, не применяется к сердцу как к физическому органу, означает *fëa* или *sáta*, сами по себе, мыслимые отдельно от *hröa*. Ср. **ÉNED-** «середина» («Утраченный путь», стр. 356).

Eruhini. «Дети Единого», т.е. эльфы и люди («Война Самоцветов», стр. 403).

fëa, мн. число *fëar* «душа, дух воплощенного существа» («Кольцо Моргота», стр. 349, 470).

Также ср. «Война Самоцветов», стр. 405.

hröa, мн. число *hröar* «тело (воплощенного существа)» («Кольцо Моргота», стр. 350, 470).

Также ср. «Война Самоцветов», стр. 405.

indo «состояние», вероятно, в особенности «состояние разума (*sáma*)». В «Позднейшей ‘Квэнте Сильмариллион’ 2» («Кольцо Моргота», стр. 216, примечание 16 на с. 230) *indo* означает «разум», что здесь переведено как *sáma*; в «Этимологиях» *indo* – «сердце, настроение» («Утраченный путь», стр. 361, статья **ID-**).

kenta «рассмотрение». Ср. *Essekenta* «имя-исследование» («Кольцо Моргота», стр. 415). Ср. глагольную основу *ken-* «видеть, смотреть» («Чудовища и критики», с. 222) и элемент *cenyë* «вИдение» в *arascenyë* «предвидение» и *tercenyë* «проникновение в суть» («Кольцо Моргота», стр. 216), откуда может следовать, что буквальное значение *kenta* может быть «рассмотрение какого-либо вопроса» [14].

lambe ср. статью *lambe* в редакторском глоссарии к отрывку из «Квэнди и эльдар», Приложение «D» выше (стр. 12).

láta «открытый». Ср. **LAT-** «быть открытым» («Утраченный путь», стр. 368).

látie «открытость».

latya «открытие».

Mirröanwi «Воплощенные», буквально «помещенные в плоть (*hröa*)» («Кольцо Моргота», стр. 350).

níra «воля как возможность или способность». Ср. синдаринское *aníra* «(он) желает» («Саурон Поверженный», стр. 128-129) [15].

nirme «действие или акт *níra*».

ósanwe «обмен мыслями». Очевидно, состоит из приставки *o-*, которая «используется в словах, описывающих встречу, соединение или союз двух вещей» («Война Самоцветов», стр. 367, статья *WO) + *sanwe* (см.) [14].

pahta прилагательное «закрытый». Ср. с *aquapahtie* выше.

sáma, мн. число *sámar* «разум».

sanwe «мышление; мысль как действие или акт *sáma*». Ср. *ósanwe* выше.

tengwesta Ср. статью *tengwesta* в редакторском глоссарии к отрывку из «Квэнди и эльдар», Приложение «D», выше (стр. 14).

únat, мн. число *únati*. «то, чего не может быть или чего нельзя сделать». Очевидно, состоит из *ú-* + *nat* «вещь» (ср. «Утраченный путь», стр. 374, статья $N\bar{A}^2-$). «Этимологии» дают квэнийскую приставку *ú* со значением «нет, не- (обычно с отрицательным смыслом)» («Утраченный путь», стр. 396, статья UGU-), но здесь значение *ú-* сильнее, чем можно вывести из этих отдельных глосс. Ср. разницу между *avaquétima* «то, чего, не следует, нельзя говорить» и *úquétima* «то, что нельзя сказать, произнести или облечь в слова» («Война Самоцветов», стр. 370, статья *ABA). Ср. статью *ú* в редакторском глоссарии к отрывку из «Квэнди и эльдар», Приложение «D», выше (стр. 14).

Редакторские примечания

[1] Конечно, соблазнительно отождествить этого редактора, равно как и редактора «Квэнди и эльдар» с Эльфвине, мореходом-англосаксом, переводчиком/передатчиком и комментатором других работ Пэнголода, в частности «Квэнты Сильмариллион» («Утраченный Путь», с. 201, с.203-204, подстрочное примечание на с. 275) и, что примечательно, текста «В» «Ламмаса» (ср. «Утраченный Путь», с. 167).

[2] Хотя упомянутый текст Пэнголода «Ламмас, или Описание языков» во вторичном мире является той же работой, что и текст «Ламмас» за его же авторством, опубликованный в книге «Утраченный путь», выглядит все так, как будто в данном случае отсылка делается к ненаписанной (или, по крайней мере, утраченной) версии этой работы, кое в чем отличной от опубликованного варианта. К примеру, напечатанная версия «Ламмас» отнюдь не заканчивается обсуждением вопроса о «прямой мыслепередаче», как об этом говорится здесь; о «Примечании о ‘языке Валар’», которым завершается текст «Квэнди и эльдар», здесь сказано, что это краткое изложение комментариев Пэнголода к началу его работы «Ламмас» («Война Самоцветов», с. 397), хотя это «Примечание» намного длиннее и подробнее, нежели весьма краткое и общее изложение, с которого начинается «Ламмас» («Утраченный путь», с. 168). Однако, по крайней мере одна отсылка к «Ламмас», относящаяся к тому же периоду, что и «Осанвэ-кэнта», может иметь отношение к наличному варианту этой работы: см. «Войну Самоцветов», с. 208-209, примечание к §6.

[3] Примечательная этическая и натурофилософская проблематика «Осанвэ-кэнта» связывает ее с другими работами философского плана и примерно того же периода, опубликованным в «Кольце Моргота», как то «Законы и обычаи эльдар», «Атрбэт Финрод ах Андрэт» и многие из небольших работ, собранных в пятой части этого тома, озаглавленной

«Мифы преображенные». Из них особенный интерес в связи с «Осанвэ-кэнтай» представляют тексты II («Кольцо Моргота», с. 375 и далее), VI «Мэлькор Моргот» (с. 390 и далее), а также VII «Заметки о мотивах Сильмариллиона» (с. 394 и далее): все они так или иначе посвящены мотивами и методами Мэлькора, его отношениям с Манвэ и прочими Валар и Воплощенными. В особенности примечательно начало второй части «Заметок о мотивах Сильмариллиона» (см. 398 и далее); хотя этот фрагмент намного короче, чем «Осанвэ-кэнта», и содержит гораздо меньше подробностей, нежели она, в нем тоже затрагивается тема «мыслепередачи» и обсуждаются связанные с нею философские вопросы.

[4] Первый элемент заглавия на квэнья не имеет диакритического значка над первой гласной, который присутствует во всех остальных случаях, когда это выражение появляется в тексте Толкина.

[5] В данном случае и везде далее слово «Eruhíni» - это авторская правка напечатанного «Eruhín» (ср. «Кольцо Моргота», с. 320).

[6] Еще печатая текст, Толкин заменил «не желает» на «не намеревается».

[7] Концепцию Искажения Арды Толкин детально разрабатывал в текстах того же периода, опубликованных в «Кольце Моргота» (ссылки см. в «Кольце Моргота», с. 455). См. также «Войну Самоцветов», с. 401.

[8] Слово «помеха» Толкин написал над стертым словом «барьер».

[9] См. рассказ об «эсси апокэнье», «именах прозрения»: такое имя мать дает своему ребенку в час его рождения как указание на «некое прозрение, касающееся его судьбы» («Кольцо Моргота», с. 216).

[10] На полях в качестве замены стертому слову «предсказание» (predicting) Толкин написал «предсказывание» (forecasting).

[11] С утверждением о том, что насильно проникнуть в разум невозможно, ср. первый абзац второй части «Заметок о мотивах Сильмариллиона» («Кольцо Моргота», с. 398-399), где с очевидностью говорится, что такое действие возможно, хотя оно воспрещено и является преступным, даже если предпринимается в «благих» целях.

[12] С рассказом о том, как Мэлькор пользовался обманом, чтобы пройти в двери *сама*, интересно сравнить относящийся к тому же периоду рассказ о том, как он пытался обманом, лестью и соблазном убедить Фэанора впустить его в (физическую) дверь Формэноса. Это вторая фаза расширения главы «О Сильмариллах и непокое нолдор» из «Квэнты Сильмариллион» («Кольцо Моргота», с. 280, §54, также см. «Сильмариллион», с. 71-72).

[13] Изначально это предложение заканчивалось так: «их не за что [— и?] и они стали простой осмотрительностью»

[14] Ранее «осанвэ» и «кэнта», на основании единственного опубликованного на тот момент перевода заглавия «Осанвэ-кэнты» - «Передача мысли» («Кольцо Моргота», с. 415), были неверно переведены как «мысль» и «передача» соответственно (к примеру, см. «Виньяр Тэнгвар», № 34, с. 29-30).

[15] Ранее («Виньяр Тэнгвар», № 31, с. 17, 30) было выдвинуто предположение, что синдаринское *aníra* следует трактовать как *an-* + *íra* (образованное от основы **ID-** «сердце, страсть, желание», «Утраченный путь», ст. 361); это по-прежнему представляется возможным, однако квэнийское *níra* заставляет предположить альтернативную трактовку *a-* + *níra*.